

УДК 316.47

Язык как фактор этнической идентичности в билингвальной среде*

Ахметгалиева А.Р.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н.Туполева – КАИ

На основе исследований, проведенных в рамках проекта «Социальные и информационно-сетевые аспекты трансформации политики билингвизма в Республике Татарстан в контексте поддержания этнической толерантности населения», выявлено неоднозначное отношение общественности республики к вопросу преподавания татарского языка и к последствиям проведенной языковой реформы. Показаны актуализация роли татарского языка как условия этнической самоидентификации и противоречивая оценка последствий проведенной реформы представителями татарской этничности.

Ключевые слова: билингвальное образование, татарский язык, русский язык, этничность, этническое самосознание, языковая реформа, межнациональные отношения.

Язык является важнейшим признаком этноса и условием формирования этнической идентичности. В преимущественно моноэтнической среде роль языка в формировании этнического самосознания ощущается и осознается не столь явно. В полилингвальном и билингвальном обществе, в условиях активного взаимодействия, взаимовлияния культур, язык выступает своеобразным этнозащитным механизмом, гарантом сохранения этноса, его культуры, самобытности, самосознания.

События последних лет, связанные с изучением татарского языка в Республике Татарстан – подтверждение неоднозначности и дискуссионности любых тем, так или иначе затрагивающих национальный вопрос, взаимовлияние этносов. Ситуация в сфере образования, в частности, среднего образования, непосредственно касающаяся изначально, казалось бы, лишь части населения республики (родителей, работников образования, самих учащихся), вылилась в проблему общереспубликанскую, вызвала широкий общественный резонанс во вполне благополучном и толерантном регионе.

Целью данной статьи является не столько анализ на основе ряда исследований, преимущественно качественного характера (глубинные интервью), оценки общественностью (родителями, учителями, преподавателями) состояния изучения татарского

языка и результатов проведенной реформы, сколько оценки роли татарского языка в свете событий последних лет как фактора этнической идентичности и самосохранения этноса.

Отношение к изучению татарского языка в школах республики выяснялось и в исследованиях количественного характера [1; 2]. Как правило, результаты этих опросов свидетельствуют о том, что значительная часть опрошенных считают, что татарский язык должен изучаться по желанию, на добровольной основе [1].

Результаты серии глубинных интервью позволяют проиллюстрировать основные причины такого отношения к изучению татарского языка. Во-первых, это – недовольство методикой преподавания языка в школах. Информант 1 (жен., русская, 37 лет, 1 ребенок): «*Нет, я еще повторю раз, я за русский и татарский, только не в той форме, что преподают сейчас, то есть за татарский, но не в той форме, в какой сейчас есть*». Информант 2 (жен., русская, 40 лет, 1 ребенок): «*...Вот в садике – да, ребенку нравилось, всё взаимодействие ребенка*

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Татарстан в рамках проекта №18-411-160011 «Социальные и информационно-сетевые аспекты трансформации политики билингвизма в Республике Татарстан в контексте поддержания этнической толерантности населения».

и приучение его к татарскому языку в игровой форме, как только пришли в школу, сразу же отбилась охота изучать татарский язык, видимо, система образования такая... В садике даже большинство русских детей обожают татарский, от человека зависит, который преподносит... Это уже потом, когда что-то как-то не так идет, от человека всё зависит...».

Вторая причина нежелания изучать татарский язык, более значимая, на наш взгляд, и более глобального характера – это элементарный прагматизм современных родителей, которые исходят из принципа «ненужности» татарского языка в будущем для своих детей и не желают их «перегружать» лишними знаниями. Информант 3 (жен., русская, 45 лет, трое детей): «Все очень загруженные в школе, очень много предметов, вообще, хорошо, конечно, знать несколько языков, но физически дети просто не успевают, потому что очень много занятий в школе, очень много внешкольных занятий, очень большая нагрузка на детей». Информант 4 (муж., русский, 45 лет, 3 детей): «Это связано абсолютно с другими процессами, которые сейчас происходят, в первую очередь — это процесс глобализации, сейчас в татарских семьях в первую очередь учат детей английскому, а не татарскому, потому что стремятся отправить своих детей на обучение за границу, где обучение более качественно, чем у нас». Информант 5 (муж., татарин, 56 лет, 4 детей): «...в конце-то концов уроки готовят сейчас не дети, а родители, это неудобство родителям и начали возмущаться же родители. Я знаю даже детей, которые хотели татарский язык, а мама не хотела, то есть ребенок сам хочет, а мама не хочет потому, что мама сама плохо знает, только в пределах нормы. ...Люди больше материализовались, ценности стали другими, сейчас народу что он татарин, что русский, и важнее не духовное богатство, а какая машина, какая одежда. Вот это всё и повлияло, вот эти ценности ... “Зачем мне ещё лишний язык знать, если у меня дорогая машина”».

Вполне закономерно, что среди сторонников обязательного изучения татарского языка больше представителей татарской этничности, что подтверждается результатами опросов [1]. Имеются и поколенческие различия в оценке отношения к изучению татарского языка. Молодежь оказалась более лояльна в этом вопросе. Например, среди 16-24-летних более половины (50,4 %) высказались за обязательное изучение татарского языка, среди 25-34 летних – 49,8 % [1]. У более старших возрастных групп эти показатели значительно ниже. Представители молодого поколения, недавно окончившие школу, и непосредственно являющиеся относительно недавно участниками образовательного процесса, более терпимы к изучению татарского языка, чем поколение их родителей. При этом и степень вла-

дения татарским языком среди молодых оказалась значительно выше, чем у более старших поколений. Это свидетельствует о том, что годы обязательного изучения татарского языка, несмотря на столь негативную оценку со стороны определенной части родительского сообщества, все же имели определенные результаты.

Вполне благосклонное отношение к обязательному изучению татарского языка продемонстрировали и молодые информанты. Информант 6 (16 лет, этничность: двух национальностей – русский и татарин, студент колледжа): «Ну, мое мнение, это – татарский язык должен быть обязательным, потому что татарский язык это – наш второй главный язык, мы родились в Татарстане, также татарский язык он сплачивает некоторые народы, но экзамен ОГЭ, ЕГЭ он как бы не должен быть... татарский язык он очень важен для нас и поэтому моё мнение, это татарский язык должен быть обязательным». Информант 7 (жен., русская, 21 год, студентка): «...Ну, мне кажется, язык должен изучаться, хотя раньше думала совсем по-другому, в школе его изучать не хотелось и было непонятно зачем это нужно, но сейчас по прошествии некоторого времени понимаешь, что намного интересней понимать другие языки, тем более, есть такая возможность ... мне кажется, нужно оставить, как есть, хуже от этого ... ну никому не становится... так как мы живем в Татарстане, его стоит многим знать, потому что многие на нем разговаривают, чтобы понимать, о чем они говорят». Это еще одно свидетельство о большей толерантности в отношении изучения татарского языка поколения детей в сравнении с поколением родителей.

Интересна позиция Информанта 8 (жен., татарка, 55 лет, 2 детей), преподавателя вуза, которой профессиональная деятельность позволяет и оценивать результаты системы обучения татарскому языку в школах «...И вот был прогресс, ... работа все-таки велась, и множество-множество авторов выросло именно в это время, которые отходили от старых принципов, которые создавали новые учебники. И как я замечала, молодое поколение, прошедшее хорошую образовательную систему, владеет языком. Пусть не чтобы читать татарских авторов, татарские произведения, вполне общаться на татарском языке могут. И таких школьников, студентов я встречала немало. Сейчас вот если так опять пойдет, пойдет все на убыль».

В целом, результаты интервью свидетельствуют о неоднозначном отношении к ситуации с преподаванием татарского языка, особенно среди представителей русской этничности – от полного неприятия изучения татарского языка в любом виде до осознания изучения татарского как вполне естественного положения. Информант 9 (жен., русская, 37 лет, трое детей): «Какой язык мы выбрали в качестве

родного? Конечно, татарский! Тут даже вопросов не было. Это же естественно: где живёшь, тот язык и учишь. Я в детстве в Узбекистане жила, мы в школе узбекский учили. Правда, узбекский я уже подзабыла (смеется), а вот татарский понимаю, с бабушками и поговорить могу». Информант 10 (жен., русская, 34 года, 1 ребенок): «Ну просто мы живем в Татарстане и не знаем татарский язык – это как-то глупо, это же изюминка нашего Татарстана, то же самое, что жить в Татарстане и не есть перемячи или эчпочмаки Ну, элементарно, дети не смогут прочитать название каких-нибудь магазинов или останки на татарском языке, они смогут понимать, это же надо хотя бы на этом уровне элементарно, или бабушке какой-то сказать «спасибо», если будет продавцом в магазине, в сфере обслуживания, что-то захочет человек, который разговаривает чисто на татарском, он даже не сможет его понять... Я считаю, что человек, который считает, что ему не нужен тот язык, который в стране проживает, то это глупо, в первую очередь это просто хотя бы из уважения к тем людям, с которыми ты живешь, это обязательно нужно знать...».

Для информантов более старшего поколения характерна резко негативная оценка того периода в школьном образовании, когда татарский язык был факультативом. Информант 11 (жен., русская, 65 лет): «Я выросла в Бугульме. Была у меня подруга, татарка, Гуля. Так вот. Когда у нее были уроки татарского, я стояла в коридоре и плакала, потому что тоже хотела учить татарский, а меня не пустили. А Гуля плакала, потому что ко мне хотела. Так и плакали с разных сторон...». Информант 8 на вопрос об отношении к отмене обязательного изучения татарского языка ответила: «Отношусь к этому отрицательно, такой опыт в истории нашей республики уже был, когда татарский был факультативом, и тогда никто не знал, кроме тех, которые знали его с рождения. Поэтому это не есть хорошо. Это неправильное решение. ... Если он факультатив – это просто неприемлемо».

Как показывают результаты интервью, проблема изучения татарского языка в том виде, как она проявилась осенью 2017 г., и инициированные после этого реформы в определенной степени оказались неожиданными и непонятными для части родительского сообщества. Можно предположить, что для не имеющих детей-школьников ситуация оказалась еще более неожиданной. Особенно характерно это для этнических татар. Например, Информант 12 (жен., татарка, 39 лет, 2 детей) на вопрос об участии в различных акциях протеста ответила следующее: «Нет, не участвовала. Не потому, что не хотела, просто я, честно говоря, до последнего думала, что вся эта ситуация решится в пользу татарского языка, и не совсем серьезно отнеслась ко всему этому вначале. Я думала, как это так, в Татарстане,

могут отменить обязательный татарский?! Поэтому и о флэшмобах, акциях узнавала уже после того как они прошли. А так я бы сходила. Петиции в поддержку татарского да, подписывала, в социальных сетях, в ватсапе которые приходили... Не знаю, у меня дети маленькие, мы только в первом классе застали все эти перемены. Может, поэтому, а может, потому что общаюсь в основном, с татарами... вообще-то нет, и с русскими тоже... не знаю, проблема эта какая-то неожиданная получилась, знаете, как черт из табакерки, я, честно говоря, и не думала, что такая проблема есть...».

Информант 13 (жен., тат., 42 года, 2 детей, учительница татарского языка и литературы): «У нас где-то 90 % учащихся в нашей школе в качестве родного выбрали татарский. То есть так же как раньше изучают – кто-то усиленно, кто-то в русской группе, но изучают татарский. Те, кто в качестве родного выбрали русский – это, в основном, приезжие. Да и недовольных, нежелающих учить татарский, сколько я в школе работаю, таких не помню...».

Противоречивость оценки «языковой» проблемы представителями разных этносов и большая «неожиданность» ее возникновения для представителей татарского этноса в отличие от русских, подтверждается и количественными исследованиями [1]. Согласно им, русские склонны относить истоки и начало «языкового» конфликта к 1990-м гг., а татары – к событиям 2017-2018 гг. Среди тех, кто отметил влияние реформы в преподавании языков на межэтнические взаимоотношения, тоже преобладали татары. При этом последствия оценивались многими как отрицательные или неоднозначные.

Недовольство результатами и самой процедурой проведенных реформ прослеживается и в высказываниях информантов глубинного интервью. Информант 14 (жен., татарка, 38 лет, двое детей): «Я считаю, что такие эксперименты в такие короткие сроки делать совсем не приемлемо, у нас еще в мае сдавали тест по татарскому языку, почти что обязательное, а в сентябре уже пришли, практически исключая татарский в школах, я считаю, что это преступление, учителей, детей нужно подготовить, к таким реформам нужна доработка, и прежде, чем рубить с плеча, нужно подготовить почву... такие резкие изменения — они оказывают влияние не только на обучение, но и на отношения между людьми разных национальностей, они обостряют эти отношения, я считаю, что нельзя такие реформы проводить, последствия только негативные». Информант 15 (жен., татарка, 28 лет, 2 детей): «...сам процесс на самом деле для многих татар он был очень довольно-таки унижительный. То есть ... первыми это сформулировали дети, когда вот они говорили типа почему когда я там... я же учу русский, почему как бы русские не учат татарский, так нечестно».

Эта несправедливость в отношении языка формулируется у информантов в виде явного недовольства нынешней постреформенной ситуацией с изучением языков в школах. Информант 12: «Я не знаю, какие там где были перекосы, у нас лично до перемен этих было 4 часа татарского в неделю и 5 часов русского. Все более-менее справедливо. А сейчас у них 9 часов русского языка и литературы в неделю! 9 часов, представляете!? Я думаю, это даже без сравнения с татарским явный перебор. Мне иногда кажется, что сами учителя уже не знают, чем занять детей на уроках (смеется). Мы уж и проекты делаем, и рефераты пишем, и сказки-прибаутки сочиняем, по 4 стихотворения в неделю наизусть учим! Ну, когда они русских поэтов проходят... А на татарскую литературу выделяется один урок в неделю. Ну что можно успеть за этот час?! А как же великий Тукай? А Джалиль, там... Алиш? Нам говорят: читайте дома, занимайтесь дома! А когда дома, если ребенок так перегружен, в том числе и русским, что просто некогда дома. Да и не читают сейчас дети, ни по-татарски, ни по-русски, сами знаете...» Информант 15: «А конкретно вот для своих детей, я бы хотела, во-первых, чтобы было меньше русского, потому что там сейчас получается около 9-ти часов русского в некоторых классах, вместе с литературой. Я считаю, что это мало того, что ненормально, плюс еще в этом нет необходимости. То есть, вот так вот трястись над ЕГЭ у меня нет никакого желания. Более того, мы же в свое время учились, я, например, тоже сдавала ЕГЭ. У меня была чисто татарская школа, у нас не было такого количества русского, у нас, при всем при том, что все предметы были на татарском, и гораздо меньшее количество русского языка, у нас не было тех, кто сдал русский на тройку, например. Я сдала на 96 баллов. Как бы в этом проблемы вообще никакой нет». Та же информантка подчеркивает неравный статус и положение русского и нерусского языков и выражает явное недовольство этим: «Я понимаю, что у нас, в России нейтральная культура, нейтральный язык это – русский, т.е., когда ты по-русски говоришь, это воспринимается нейтрально, а все остальное – это уже экзотика. Конкретно меня это не устраивает, я не хочу быть на положении какого-нибудь аборигена, который местная специфика, местный этнический колорит в русскоязычном пространстве. Мне бы хотелось, чтобы это все было на равных».

По мнению информантов, в русскоязычной в основном Казани объективных условий для поддержания и развития татарского языка, для приобщения детей к татарской культуре практически нет. Все эти функции переключаются на семью, и сохранение и обучению языку становится целенаправленной деятельностью, заниматься которой многие просто не желают или не видят в этом необходимости. Инфор-

мант 15: «Ну, во-первых, в обучении делаем акцент именно на татарский язык, ну то есть татарская группа в садике, какие-то развивающие центры, где проводятся занятия на татарском языке. Почему... просто потому, что вот на данный момент, как таковой, татароязычной среды очень мало. То есть вот максимум, ограничено, это семья, родственники, ну вот если искусственно это какие-то мероприятия, которые проводятся на татарском языке, соответственно из-за преобладания русскоязычной среды русский язык усваивается очень легко, очень-очень быстро. То есть, с этим вообще никаких проблем нет, то есть приходится, наоборот, прикладывать усилия для того, чтобы усваивался именно татарский язык».

Информант 12: «В садике, в школе все на русском – и учеба, и мероприятия, и общение... Хотя школа вроде русско-татарской считается. ... Вот и приходится самим «выживать». В садике всегда на утренники по собственной инициативе учим дополнительно стих по-татарски, если театры – то только на татарские спектакли. Хорошо, что бабушки-дедушки в деревне, есть возможность там в татароязычной среде побыть, ну, на каникулах, на выходных. Дома контролировать, чтобы на татарском говорили, мужа одергивать, если на русский переходит с детьми (смеется). Только так, иначе забудут язык...». Вполне естественно, что перевод изучения татарскому языку на добровольную основу и сокращение отведенных на так называемый «родной язык» часов было воспринято как дополнительное ущемление положения татарского языка. Различный статус языков проявился не только в количестве часов, выделенных на их изучение, но и в директивных изменениях системы преподавания. Например, Информант 16 (жен., татарка, 38 лет, 1 ребенок, учительница татарского языка и литературы в начальной школе) охарактеризовала ситуацию в школе после проведенной реформы таким образом: «... Мало того, что часы сократили, само отношение к языку, к предмету стало просто каким-то... Домашние задания давать запретили, «тройки» и «двойки» ставить запретили, а дети ведь очень чувствительны к этому. И отношение со стороны других учителей стало каким-то ... пренебрежительным, высокомерным что ли. Работать не хочется...».

Ситуация, возникшая вокруг изучения татарского языка, актуализировала среди представителей татарской этничности роль языка как средства этнического самосознания, идентичности, выражения национальных чувств. При этом степень владения языком даже не была значимым фактором. Информант 12: «Помню, когда я впервые осознала всю серьезность этой ситуации. Мне позвонила моя хорошая знакомая (а созваниваемся мы крайне редко) и с волнением начала спрашивать, правда ли, что где-то сжигают учебники татарского языка, что

татарский отменяют в школе и т.д. Честно говоря, я была немного ошарашена. Во-первых, я не придавала до этого значения всем этим, как мне казалось, слухам. Во-вторых, я была очень удивлена, что Эльмира, она даже языка толком не знает, выросла в Казани, я не думала, что ее может так озаботить проблема татарского языка. А потом уже пошли в соцсетях, в ватсапе сообщения, ролики, петиции в поддержку татарского языка, возмущенные сообщения после родительских собраний... Вы не представляете, какая это была волна народного возмущения! И знаете, писали люди, про которых вот я бы никогда не подумала, что их волнует вопрос их национальности, будущее татарского языка... Иногда говорят, вот, мол, татары сами не хотят изучать татарский язык. Не знаю, я таких не встречала». Таким образом, реформы в изучении татарского языка были восприняты как покушение в целом на статус языка как важной составляющей этноса, на национальные чувства. Проблема из сферы образовательной перешла в сферу более глобальную, касающуюся вопросов национальной политики, межнациональных отношений, сохранения этнической культуры.

Информантам-этническим татарам характерно ослабление чувств патриотизма к России, усомнение в федеративных основах государства. Информант 17 (жен., татарка, 37 лет, 2 детей): «...потому что ну очень больно, до слёз почувствовали, что мы не такая уж прям интегрированная часть России, почувствовали, что нас могут запинать в угол...». Информант 15: «А теперь, вот с этим годом, появился повод не любить федеральные власти за их внутреннюю политику. ... Это скорее эффект последнего года, это больше влияние тех неприятных ощущений. Я же говорю, вот если бы Вы спросили меня об этом год назад, я бы ответила немножко иначе. А тут уже просто... негативный опыт, пережитый за последний год, он, безусловно, на это влияет».

Как следствие ущемленных этнических чувств возникла волна противодействия этой несправедливой, с точки зрения этнических татар, языковой политике. Противодействие это носит вовсе не политический характер. Оно выражается в росте этнического самосознания, в попытках альтернативного «нешкольного» изучения и употребления татарского языка. Часто оно даже сужено до индивидуальных семейных практик поведения. Информант 12: «Потом, когда стало понятно, что реформы неизбежны, что наши петиции ничего не решают, пошли сообщения и призывы другого характера – чтобы больше на татарском разговаривать, общаться, на русском говорить, если только собеседник не понимает татарского и т.д. А то ведь мы привыкли говорить на русском в присутствии хотя бы одного русского, даже если мы не с ним разговариваем. Якобы иначе невежливо. Хотя, кто вообще эти

правила придумал?». Информант 15: «Во-первых, очень много моих знакомых в соцсетях перешли на татарский язык ...Просто люди понимают, что на сегодняшний день сохранение и развитие татарского языка, в том числе расширение вот этого татароязычного мира зависит только от нас. Соответственно, они принимают это как свою личную, индивидуальную задачу. В первую очередь: “Что я сам могу сделать?” То есть они переходят на татарский язык, стараются говорить по-татарски больше, то же самое с детьми. Очень многие в этом году выбирая между тем... вот школу рядом, между комфортом и выбирая школу, которая подальше, но которая более-менее татароязычная, они выбирают «Ладно, буду страдать, мучиться, но буду возить через полгорода». То есть, это именно из-за того, что национальные чувства задеты и хочется что-то в ответ сделать». Информант 17: «...сейчас уже, после этих событий, пытаюсь пополнить свой запас слов. Читаю соцсети, в Инстаграме есть такие группы, которые учат татарскому ... есть такие ресурсы, которые каждый день новое слово, то есть одна страничка по-русски, другая по-татарски».

Информант 18 (жен., 35 лет, руководитель детской студии татарского вокала): «Да, действительно, детей на моих занятиях за последние год-два стало заметно больше. Родители часто говорят, что хотят, чтобы ребенок научился петь по-татарски, татарские песни знал, чтобы какая-то культура народная привилась. Потому что других возможностей, условий для этого нет – ни в садике, ни в школе. ...У меня есть дети, которые в музыкальной школе учатся, а на вокал все равно ко мне ходят, потому что там нет занятий по татарскому вокалу».

Отсутствие политизированности акций социальных групп, движений подчеркивается и Информантом 15, активисткой движения татароязычных родителей: «...мы просто хотели выразить свою позицию, что мы не согласны с такой политикой, мы считаем ее вредной конкретно для нашей культуры, но при этом нет какого-либо желания уходить, во-первых, именно в политику, то есть мы считаем это неконструктивным, неэффективным... сейчас мы считаем, что этот этап более-менее закончился, потому что законопроекты приняты, все, они уже действуют как законы. То есть, как бы основной актив уже уходит от всех этих, там, петиций и всех прочих там, воззваний к этим чиновникам, уходит как бы в свои стандартные сферы, обычно это культурные проекты, связанные с татарским языком. То есть, это писатели, журналисты, художники, музыканты, то есть, как правило, весь костяк активистов, которые так или иначе с этим работал, это люди, которые... у них деятельность так или иначе связана с татарским языком, но вот вне политики».

Таким образом, это противодействие существующей системе изучения языка проявляется в виде разработки и развития других, не связанных со школьным образованием, способов изучения и сохранения татарского языка. Активно подключилось к деятельности по сохранению и изучению языка Духовное управление мусульман, в мечетях республики работают курсы по изучению татарского языка. Запущены он-лайн курсы татарского языка в соцсетях. Открылся круглосуточный детский канал на татарском языке «Шаян».

В целом, результаты исследований (как качественных, так и массовых опросов), затрагивающих проблемы билингвального образования, свидетельствуют о неоднозначной оценке общественностью вопросов изучения языков в школах республики и влияния их на межнациональные отношения. С одной стороны, это оценка межнациональных отношений в регионе как в высшей степени толерантных и дружественных, и невозможность любых реформ как-то повлиять на их состояние. С другой стороны, это недовольство последствиями «языковой» реформы и неравным статусом государственных языков у представителей татарской этничности, что не позволяет полностью исключить наличие социальной напряженности.

Литература:

1. Лаукарт-Горбачева О.В., Максимова О.А. Билингвальное образование в оценке представителей различных поколений Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 3. – С. 142-145.
2. Низамова Л.Р. Динамика языковой ситуации в Республике Татарстан (по данным социологического опроса 2018 г.) // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 3. – С. 263-267.
3. Лаукарт-Горбачева О.В. Проблема билингвального образования Республики Татарстан в оценке родительского сообщества // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 3. – С. 238-240.
4. Беляев В.А., Сибяева Г.Р. Дивергенция мотивации билингвизма интеллигенции Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 2. – С. 90-96.

Language as a factor of ethnic identity in a bilingual environment

Ahmetgalieva A.R.

Kazan National Research Technical University named after A.N.Tupolev – KAI

On the basis of studies carried out within the framework of the project "Social, information and network aspects of the transformation of the bilingual policy in the Republic of Tatarstan in the context of maintaining ethnic tolerance of the population," the mixed attitude of the Republic population towards the issue of teaching the Tatar language and the consequences of the language reform are revealed. The relevance of the role of the Tatar language as a condition of ethnic self-identification and self-preservation of ethnos and contradictory assessment of the consequences of the reform by representatives of the Tatar ethnicity are shown.

Key words: bilingual education, Tatar language, Russian language, ethnicity, ethnic identity, language reform, inter-ethnic relations.